

Хан Сиэнь говорил это, не сводя глаз с Хан Чжо.

Хан Чжо, стоявший среди толпы, кожей почувствовал этот липкий, пристальный взгляд. Он как бы невзначай поднял голову и столкнулся глазами с Хан Сиэнем, сидевшим в экипаже.

Разглядеть лицо юноши отчетливо мешало расстояние, Хан Чжо не улавливал даже холода в его глазах, но этот прямой, немигающий взор заставил его содрогнуться. На душе стало гадко и липко, словно его выслеживала змея. По спине пробежал озноб, оставив после себя гнетущее чувство тревоги.

Когда дворцовые евнухи подошли к повозкам, чтобы проверить раны пострадавших, Хан Чжо последовал за ними. Цзи Ло, притворяясь тяжелораненым, «бессильно» лежал на подушках с закрытыми глазами и за все время не проронил ни слова.

Хан Сиэнь же, напротив, бодрствовал. Когда евнух и Хан Чжо приблизились к его карете, он приветливо кивнул слуге и полусерьезно проговорил:

— Если Его Величество спросит обо мне, передайте, пожалуйста, что я уповаю на его милость. Пусть лекарь Чжоу из императорской лечебницы продолжит мое лечение. В конце концов, никто лучше него не знает особенности моего здоровья.

Евнух угодливо улыбнулся и, уклонившись от прямого обещания, ответил:

— Наследник может быть спокоен. Государь непрестанно печется о вашем благополучии.

Стоявший рядом Хан Чжо сухо кашлянул. Он укоризненно посмотрел на сына, однако тут же напустил на себя вид заботливого и снисходительного отца:

— У Его Величества и без того полно забот государственного масштаба, да и лекарь Чжоу уже в летах, не стоит обременять его по пустякам. Узнав о твоём ранении, в нашем поместье все места себе не находили. Мы заранее пригласили дворцового целителя, он уже давно ждет твоего приезда.

С этими словами Хан Чжо повернулся к Бай Шу и вежливо добавил:

— И конечно, я безмерно благодарен генералу Баю и молодому господину Баю за спасение моего непутевого сына. Ваше ратное мастерство поистине восхищает. В ближайшие же дни я непременно нанесу визит в вашу усадьбу, дабы выразить признательность лично.

Бай Шу в ответ лишь недоуменно склонил голову набок, словно искренне не понимая, о чем идет речь. Он покачал головой:

— Если бы мы действительно были так хороши в боевых искусствах, третий принц и Хан Сиэнь не получили бы ран. Сказать по правде, те убийцы владели оружием куда лучше нашего.

Он говорил это хмуро и бесхитростно, будто действительно верил собственным словам.

Заметив, что улыбка на лице Хан Чжо стала еще более натянутой, Бай Шу порывался добавить что-то еще, но Хан Сиэнь слегка подался вперед и перехватил его руку.

Бай Шу опешил от этого жеста, растерянно уставившись на их переплетенные пальцы.

Но Хан Сиэнь тут же отдернул руку, словно обжегшись о горячую ладонь юноши, и поспешно выпрямился в экипаже. Лениво приподняв веки, он окинул Хан Чжо холодным, пренебрежительным взглядом. Очевидно, его терпение иссякло, потому что прямо при императорском посланнике он произнес без малейшего стеснения:

— Дело вовсе не в том, что я сомневаюсь в искусстве приглашенного вами лекаря. Просто мне вспомнились прошлые годы, когда меня тоже лечили дворцовые врачи. Они годами выписывали мне снадобья, в которые кто-то щедро подмешивал яд, а приходившие на осмотр лекари упорно ничего не замечали. Наверное, в этом мире есть люди, которым я очень сильно мешаю жить. Они спят и видят меня в гробу, да только я никак не умираю, и им остается лишь бессильно наблюдать за моим выздоровлением. Если вдуматься, забавная складывается картина.

От этих слов лицо Хан Чжо пошло пятнами — то бледнело, то багровело от ярости. Даже видавший виды евнух вздрогнул от столь дерзкого признания. В их мире, какие бы темные дела ни творились за закрытыми дверями благородных домов, выносить сор из избы, да еще и заявлять о покушении на убийство в лицо собственному отцу перед посторонними, считалось верхом неприличия. Но Хан Сиэнь не просто заговорил об этом — он нанес отцу сокрушительную пощечину прямо на глазах у дворцового слуги. Евнух подумал, что во всей Великой Чжоу едва ли нашелся бы еще один безумец, способный на подобную дерзость. Неужели наследник ни капли не боялся, что разгневанный отец обвинит его в сыновней непочтительности перед судом?

Наслышанный о непредсказуемом и крутом нраве молодого господина, посланник не смел поднять на него глаз. Он старался смотреть прямо перед собой, но все же украдкой косился на герцога Ханя.

Хан Чжо изо всех сил пытался сохранить лицо, хотя гнев и растерянность исказили его черты. Наконец он тяжело, сокрушенно вздохнул:

— Ты долгие годы был прикован к постели, а недавнее предательство близкого слуги подорвало твое доверие к людям. Понять твою подозрительность можно, и все же...

— Вот и славно, что вы меня понимаете, — оборвал его Хан Сиэнь, не желая слушать

лицемерные поучения. — Я чувствую сильную слабость, и раненое плечо немилосердно ноет. К тому же Его Величество ждет возвращения уважаемого евнуха с докладом. Не стоит утомлять его нашими семейными дразгами.

Он произнес это с таким видом, будто пекся исключительно о покое государя, отчего у Хан Чжо от бессильной злобы едва зубы не заскрежетали.

Дворцовый слуга тут же ухватился за предлог и, сделав шаг вперед, заискивающе улыбнулся:

— Известие о нападении на наследника привело Его Величество в крайний гнев. Император искренне печется о вашем здравии и повелел вам сначала полностью восстановить силы, а уже потом явиться во дворец с докладом.

Все в столице знали, что государь недолюбливает третьего принца, поэтому причину императорского гнева всецело приписывали ранению Хан Сиэня. Дворцовые слуги, прекрасно улавливавшие малейшие перемены настроений во дворце, понимали это лучше других. Как бы они ни завидовали исключительному положению наследника при дворе, выказывать ему почтение приходилось по высшему разряду.

Лицо Хан Чжо сделалось еще более мрачным. Хан Сиэнь же повернулся в сторону императорского дворца и с глубоким почтением соединил перед грудью ладони:

— Нижайше благодарю Его Величество за отеческую заботу. Ваша милость безгранична.

Довольный благоговейным тоном юноши, евнух расплылся в улыбке.

Вскоре посланник вместе со слугами третьего принца покинул заставу, а Хан Чжо, подавив раздражение, велел трогать экипаж в сторону герцогского поместья.

Бай Шу всей душой противился возвращению Хан Сиэня в этот змеиный улей. В отличие от самого наследника, у него не было твердой уверенности в благополучном исходе. Больше всего на свете он боялся, что обитатели герцогского дома в приступе безумия решатся на непоправимое до того, как пыль уляжется. Но изменить он ничего не мог. Они въехали в столицу, где Хан Чжо обладал неоспоримыми правами отца. Для Герцогского поместья Бай Шу оставался посторонним человеком, лишенным всякого права находиться рядом с раненым.

Поймав строгий, предостерегающий взгляд старшего брата, Бай Вэньханя, юноша был вынужден покинуть экипаж. С тяжелым сердцем он провожал глазами удаляющуюся повозку Хан Сиэня, пока та не скрылась в дорожной пыли.

Наблюдая за растерянным и тоскливым выражением лица младшего брата, Бай Вэньхань почувствовал смутную тревогу. Привязанность Бай Шу к молодому наследнику казалась ему чрезмерной, едва ли не граничащей с одержимостью.

Впрочем, о чем бы ни грезил младший брат, Бай Вэньхань непреклонно увел его за собой в генеральское поместье. Как бы то ни было, они носили фамилию Бай и не имели никакого права вмешиваться во внутренние дела семьи герцога Ханя.

Доставив Хан Сиэня в усадьбу, Хан Чжо сухо велел ему отправляться в свои покои в дворике Душистых Орхидей.

Вскоре прослышавшие о возвращении раненого родственника младшие члены клана Хань один за другим потянулись проводить его — а вернее, разузнать, насколько тяжелы его увечья. Однако у ворот дворика Душистых Орхидей их ждал суровый отпор: Хан Сиэнь наотрез отказался кого-либо принимать. Наглый Хан Юэцин из третьей ветви попытался было прорваться силой, надеясь поглумиться над раненым кузеном, но Хан Сиэнь преградил ему путь. Смерив нахала ледяным взглядом, он неторопливо произнес:

— Если тебе так не терпится заявить о себе, я могу при первой же встрече с Его Величеством упомянуть твоего отца. Напомню государю о его заслугах, пусть найдет для него новое неотложное поручение на окраине империи. Глядишь, твой батюшка нескоро вернется в столицу, и ты сможешь сполна насладиться одиночеством.

От этих слов спесь с Хан Юэцина мгновенно слетела, лицо вытянулось от испуга. Он попытался было что-то возразить, но Хан Юэчжун вовремя ухватил его за рукав, осаживая назад. Натянув на лицо примирительную улыбку, Хан Юэчжун обратился к кузену:

— Братец, мы лишь прослышали о нападении и не на шутку встревожились за твою жизнь. Раз уж ты не расположен принимать гостей, мы не станем докучать и немедленно уйдем.

Хан Сиэнь лишь презрительно усмехнулся в ответ. Окинув Хан Юэчжуна равнодушным взглядом, он процедил:

— У тебя нет ни ученого звания, ни чиновничьего ранга, в то время как я — официально признанный двором наследник титула. На словах мы, может, и братья, но разница в нашем положении огромна, и правила приличия никто не отменял. Раньше я закрывал глаза на твою фамильярность, но ты уже вышел из нежного возраста. Притворяться несмысленным дитятей в твои лета просто глупо.

Лицо Хан Юэчжуна полыхнуло багровым румянцем от столь безжалостного разоблачения. Не успел он вымолвить и слова оправдания, как Хан Сиэнь негромко добавил:

— Пятый принц еще не взошел на престол, а ты уже примеряешь на себя мантию царственного шурина? Пожалуй, стоит шепнуть об этом Его Величеству при личной беседе. Вдруг он решит ускорить твоё восхождение к столь почетному званию?

С этими словами Хан Сиэнь сделал знак Ань Цао, и тяжелые створки ворот с глухим стуком захлопнулись прямо перед носом незваных гостей.

Хан Юэчжун застыл на месте, ошеломленно глядя на запертую дверь. Растерянно переглянувшись с притихшим Хан Юэцином, он с трудом выдавил из себя блеклое подобие улыбки и прошептал:

— Он сегодня явно не в духе... Пойдем отсюда.

Уходя, он лихорадочно соображал, насколько серьезны были угрозы кузена. Нужно было немедленно обо всем доложить отцу.

Вслед за братьями заспешили и остальные родственники, переглядываясь в тревожном молчании. Лишь Хан Минчжу еще долго стояла у ворот двора Душистых Орхидей с потерянными выражением лица. Наконец, тихо постучав, она передала служанке баночку с лучшей целебной мазью из своих запасов и медленно побрела прочь.

Переступив порог родного дома, Хан Сиэнь почувствовал, как силы окончательно покидают его. Изнуренное тело, ослабленное долгой болезнью и большой потерей крови, отказывалось повиноваться, в голове мутилось.

Поддерживаемый под руки Чэнь Сян и Би Хуа, он добрался до постели. Ложась на подушки, юноша скользнул туманным взглядом по столу, где лежал свернутый свиток — портрет, который набросал для него Бай Шу.

«Только благодаря внезапному появлению этого мальчишки я остался жив».

С этой мыслью он закрыл глаза. Измученное тело требовало покоя; все прочие заботы могли подождать.

Заметив, как устремился взгляд господина к свитку на столе, Би Хуа испуганно замерла, ее сердце заколотилось как сумасшедшее. Лишь когда веки Хан Сиэня сомкнулись и его дыхание выровнялось, она вместе с Чэнь Сян на цыпочках выскользнула из покоев.

Оказавшись во дворе, Би Хуа с облегчением прижала руку к груди:

— Ох, у меня чуть сердце не выпрыгнуло... Спроси молодой господин, откуда на его столе взялся этот портрет, я бы и слова не нашла сказать в оправдание!

Чэнь Сян равнодушно опустила ресницы и сухо ответила:

— Молодой господин прекрасно знает, что появляется в его комнате, а что исчезает. Не изводи

себя понапрасну.

Би Хуа кивнула, однако румянец так и не вернулся к ее испуганному лицу.

Хан Сизнь провел в поместье три дня, восстанавливая силы. На четвертое утро за ним прибыли дворцовые носилки. Стоило экипажу тронуться в сторону императорской резиденции, как над всем герцогским домом нависло тягостное, удушливое ожидание. В особенности изводили себя тревожными думами обитатели второй и третьей ветвей семьи, напуганные недавними предостережениями. Все эти дни они неистово молились перед домашними алтарями бодхисаттве, умоляя небо прибрать строптивого племянника к рукам, да только напрасны были их нашептывания — судьба осталась глуха к их чаяниям.

Хан Сизнь без препятствий миновал дворцовые врата. Едва представ перед троном и склонившись в поклоне перед государем, он произнес твердым, чистым голосом:

— Ваше Величество, из-за немощи вашего ничтожного слуги пострадал третий принц. Моя вина перед государством огромна. Молю вас лишить меня наследного титула.

<http://bllate.org/book/20088/2002040>